

Лорка Мясин репетирует на сцене Большого.

Фото Елены Фетисовой (Большой театр)

Сын за отца отвечает

Наследник Леонида Мясина готовит премьеру его балетов

Независимая. — 2005. — 31 марта. — с. 7

Майя Крылова

В апреле Большой театр покажет балеты Леонида Мясина. Этим проектом на родину возвращается знаменитый деятель искусства русского зарубежья и москвич по рождению. Творчество Мясина, с 1913 года работавшего за границей с Сергеем Дягилевым, у нас практически неизвестно: его спектакли никогда не шли в России, хотя в Европе и Америке он давно считается классиком. В афише ГАБТа появятся три одноактных балета — «Треуголка», «Парижское веселье» и «Предзнаменования». Для работы с труппой приглашен сын классика, танцовщик и хореограф Лорка Мясин. Обозреватель «НГ» встретился с постановщиком.

Почему у вас такое имя — Лорка? — Вообще-то я Леонид, как и отец. Но два Леонида в одной семье — это много. Отец был знаком с Гарсиа Лоркой, обожал его стихи. Может, поэтому я из Ленки стал Лоркой.

— Ваше детство прошло во владении вашего отца — на острове Галлов около побережья Италии. Говорят, что Леонид Мясин в жизни был жестким человеком и от членов своей семьи требовал беспрекословного послушания. Это он велел вам стать продолжателем балетной династии?

— После смерти отца остров пришлось продать: приходилось платить чудовищные налоги. Его купил Рудольф Нурев. Папа предпочитал одиночество, а на острове этого было

предостаточно. Отец не любил людей, и вообще ничего не любил, кроме своей работы. В единении он обдумывал планы постановок, жил по строгому режиму, ненавидел праздную болтовню, купался только минут десять в день. Отца я видел редко, он был вечно занят, но всегда хотел дать мне и сестре хорошее образование. Мы жили с мамой, Татьяной Орловой, танцовщицей и ассистенткой отца. С детства меня окружали профессора, приглашенные отцом, я зачитывался Сартром, Достоевским и Ницше. На сцене я появился уже в 9 лет: исполнил роль маленького Иисуса Христа в постановке отца на тему Воскресения. В 14 лет начал работать в драматическом театре, во Франции играл в постановке Жироу, а в Англии — Шекспира. Надо было принять решение, чем же заняться — драмой или балетом. Я выбрал балет.

— Леонид Мясин хотел отдать вас в Московское хореографическое училище...

— Да, когда-то он сам его окончил, еще при царе. Отец ненавидел холодный академизм, любил эмоциональный танец, в этом он был типично московским артистом и поэтому хотел, чтобы я здесь стажировался. Но ничего не вышло. Мы приезжали в Москву в 1960 году, и я делал класс в Большом театре перед вашим великим педагогом Асафом Мессерером. Это было трудно, и помню, тогда пришли многие звезды Большого, они меня подбадривали, подсказывали, как лучше сделать движение. Но ваш режим не хотел, чтобы сын эмигранта учился в Москве.

— Вы работали по всему миру...

— У меня рано появились танцевальные «видения»: первый

балет по «Метаморфозе» Кафки я придумал в 16 лет. Премьера прошла в Париже. Отец был поражен, что я сочинил балет, абсолютно не похожий на его постановки. Он сказал: «Если б Дягилев мог тебя увидеть, он бы из гроба вышел». В 18 лет я создал собственную компанию «Европейский балет», с которой объездил всю Европу. Потом три года работал в труппе Бежара, многому у него научился, уехал в Америку и начал учиться заново. В 26 лет поступил в школу при труппе Баланчина «Нью-Йорк сити балле». Там попросил, чтобы мне разрешили поставить балет для учеников. В один прекрасный день на репетицию зашел Баланчин, посмотрел и сказал:

писатель! На премьере в Вероне главную партию станцевал Владимир Васильев.

— Как получилось, что вас пригласил Большой театр?

— Мне позвонил Алексей Ратманский и предложил сделать в Москве вечер Леонида Мясина. Отец всю жизнь мечтал поставить балет в Большом театре, вел переговоры, но безрезультатно. Я горд, что мне удалось поставить его балеты на родине. Мы выбрали непохожие по стилю постановки, созданные в разные периоды жизни отца. «Треуголка» — испанский балет, в котором очень сильно влияние художника — ведь его оформил Пикассо. «Парижское веселье» — красивое варьете с канканом. Между прочим, папа

Русская публика хорошо поймет этот сплав трагедии и праздника жизни

«Не хотите ли вы поступить в мою компанию и быть в ней хореографом?» У Баланчина я танцевал и ставил тоже три года. А потом ушел. Я ведь русский, и школа танца у меня русская, мне везде как будто чего-то не хватает. У Баланчина было слишком стерильно. Так я стал фрилансером.

— Ваш самый знаменитый балет — «Трек Зорба», он идет по всему миру.

— Я очень хотел бы поставить «Зорбу» в России. Уверен, что русская публика хорошо поймет этот сплав трагедии и праздника жизни. Там потрясающая музыка Теодоракиса, а какая литературная основа — Николас Казандзакис, гениальный

не любил этот спектакль, потому что он был очень серьезный человек, как хореограф никогда не комиковал, а тут вдруг сподобился. Потом отцу было жалко, что он пошутил, хотя из всех его балетов этот — самый успешный по кассе. А «Предзнаменования» — неоклассика, сделанная еще до Баланчина. Для этого балета я искал художника, потому что хотел отказать от тяжелого оформления Андре Массона, работавшего с отцом. Большой театр предложил мне Игорю Чапурина. Мне понравились его идеи. А что Чапурин — известный кутюрье, меня не смущает, наоборот. Я уже делал балет с Кристианом Лакруа.